

Издатель

ФГБОУ «Петрозаводский государственный университет»
Российская Федерация, г. Петрозаводск, пр. Ленина, 33

Литературный журнал

Verba

<https://verba.petsu.ru>

Выпуск 6 (№), 2023

Главный редактор

И. В. Львова

Редакционная коллегия

И. В. Львова

Адрес редакции

185910, Республика Карелия, г. Петрозаводск, ул. Ленина, 33.

E-mail: verba@petsu.ru

<https://verba.petsu.ru>

Проза

Поворот

БОГОМОЛОВ Данила

Карельский колледж культуры и искусств (г. Петрозаводск, ул. Калинина, д. 54),
danya.bogomolov.2017@mail.ru

***

В природе царило безмолвие. Казалось, ничего не могло нарушить таинственное молчание, которое хранят столетние сосны и березы, однако начиналась метель, и на проложенной сквозь северный лес трассе Мурманск — Санкт-Петербург уже выюжило...

Молодой фотограф Иван Ручьев возвращался машиной из Мурманской области: он снимал виды Мурманска, заезжал на Хибины, побывал в Кандалакше, на Кольских сопках и сейчас отправлялся домой.

Приподнятое настроение не покидало его. Иван думал, куда поедет в следующий раз, ведь природа на Севере всегда по-особенному красива. Приятные мысли неожиданно прервал страшный кашель, давно мучавший его, мужчина дернул руль, и машину стало кидать из стороны в сторону. Пытаясь выровнять автомобиль и увидев впереди очертания отворотки, Иван машинально направил его туда, к полузанесенной снегом грунтовой дороге. Решив, что где-то впереди можно будет развернуться, поехал по грунтовке, но через несколько километров поземка сравняла дорогу, и он застрял.

Метель к тому времени разбушевалась со страшной силой, так, что видимость уменьшилась до расстояния вытянутой руки. Сколько ни пытался Иван тронуться с места — всё тщетно. Выбравшись из машины, он решил пробежаться, в надежде увидеть встречную машину или найти помощь у местных жителей, а через какое-то расстояние чуть не врезался в указатель, внезапно вставший у него на пути.

- Куусиярви — 1 километр, - прочел Иван, - недалеко...

Метель к тому времени лишь усилилась. Мелкий снег жесткой поземки стал заметать последние очертания дороги. Сейчас фотографа беспокоило одно — вдруг он замерзнет здесь и его никто не найдет? А если уж и найдут, то дикие звери...

Через полчаса борьбы с метелью Иван совсем потерял надежду на спасение, но — какое счастье! — сквозь плотную стену снега он разглядел слабый свет.

Набравшись сил, двинулся туда и подошел к одинокому деревянному дому, стоящему на поляне. Табличка на дверях гласила: «Куусиярвский сельский совет», но дверь оказалась закрыта. Фотограф постучал — раздались шаги и через мгновение дверь открыл пожилой мужчина. Встретившись глазами с парнем, жестом пригласил войти.

Через минуту Иван сидел в кабинете, прижавшись к натопленной печке. Дед поставил чайник, а путешественник тем временем осмотрел кабинет — стол, пара стульев, сервант с документацией, высохший цветок и небольшой кактус в горшках на подоконнике. Все это, казалось, осталось тут еще с советских времен, разве что портрета Ульянова-Ленина не было на стене.

Наконец старик подошел к нему и, протянув руку, представился:

— Тепло Васильевич.

— Иван... Дмитриевич...

— Ну, рассказывай, Иван Дмитриевич, — сказал карел, усаживаясь за стол, — каким ветром занесло?

– Да ясно каким – северным...

– Это и дураку понятно. Откуда едешь-то?

– С Кольского полуострова. Там фотографировал, да на обратном пути машина сломалась. Пошел помощь искать, и пришел к вам. А так в Петербурге проживаю.

– В Ленинграде? О, бывал я в нём пару раз, давненько, правда...

Чайник вскипел, и мужчины сели пить чай.

– Так...и как там виды, на Кольском-то? – спросил глава деревни.

– Завораживающие! У меня такая поездка впервые была, до этого севернее Питера нигде не был, – ответил Иван. Когда я приехал в Кандалакшу, солнце впервые за зиму поднялось выше леса, так сколько снимков отличных сделал...

– Это хорошо. Ну, ты между делом и нашу красоту местную, карельскую сними. Вот метель закончится, покажу тебе церковь, ещё в середине 19 века построенную... Вот, правда, точный год постройки уже не вспомню. Культурный памятник нашего района.

– Спасибо, конечно, – перебил парень, – но, понимаете, мне сначала нужно машину вытащить, а то я ее на дороге проселочной оставил, мало ли что случится...

– Не бойсь. Завтра почтовая машина обещалась, а значит, и трактор пустят, у нас по-другому никак.

Скоро непогода прекратилась: ветер стих, и снег поредел. Теппо Васильевич и фотограф вышли из сельсовета. Карел взял метлу и начал вычищать крыльцо от снега.

– Наша деревня, – рассказывал старик за работой, – упоминается в бумагах семнадцатого века. Поговаривали старожилы, что наши предки на лыжах в Финляндию на ярмарки ходили, а обратно несли по три пуда муки на лицо.

– Как же они домой возвращались, надо же было хотя бы карту на руках иметь?

– Как - как, по звездам ориентировались. У нас тут на севере зима по восемь месяцев длится – в октябре снег выпадет, а в начале мая, дай Бог, растает. А морозы с декабря по апрель стоят – вот по ярким звездам домой и возвращались. А раньше весело у нас тут было, когда леспромхоз работал. И населения было почти четыреста человек. Школа была, в клубе концерты ставили, ну а теперь-то и народ по пальцам пересчитать можно, – вздохнул Теппо Васильевич и закончил работу.

Подперев дверь метлой, мужчины отправились к проселочной дороге, где застряла машина фотографа. Иван достал из автомобиля одежду и оделся потеплее.

– Ну, невелика беда, – сказал председатель сельсовета, осмотрев автомобиль, – завтра вытащим.

– Спасибо, – ответил парень и, заглянув через стекло в автомобиль, заметил фотоаппарат, – а помните, вы обещали мне церковь показать?

– Точно! Молодец, что напомнил – пойдём.

Иван взял фотоаппарат и, закрыв машину, вдруг зашелся в кашле.

Больше месяца мучил его этот долгий кашель, а скоро в мокроте стала появляться кровь. Сколько не испробовал он лекарств, эффекта не было. К врачам не обращался, думал, что поправится, съездив на природу, но и это не помогло...

– Ну, что-то ты совсем расклеился! – сказал Теппо Васильевич.

– Да, есть немного... Видимо, простыл...

Когда вернулись в деревню, дед показал дорогу к церкви, а сам ушел в сельсовет.

Поднявшись на возвышенность, где стояла церковь, Иван сфотографировал ее с разных ракурсов, и отметил про себя «Построенная в 19 веке... А так хорошо сохранилась! Хотя, что два века для такой постройки?»

Собираясь вернуться назад, он вдруг почувствовал сильную боль в груди и, не пройдя двух шагов, упал на

снег, и начал безостановочно кашлять кровью. На мгновение ему показалось, что он умирает. Потом боль ослабла немного. Найдя в себе силы встать, шатаясь, направился к сельсовету.

– Как вы живете тут без врачей? – слабым голосом спросил Иван, как только зашел в кабинет.

– Привыкли уже. Раньше при леспромхозе был у нас фельдшерский пункт, но в девяностые все, что можно, позакрывали... Да и есть у нас врач свой. Многие к ней за помощью обращаются, обычно никому не отказывает. К ней и ходим.

Клавдия Вилховна проживала в старом маленьком доме на окраине деревни. Во дворе у нее находилось несколько хозяйственных построек и старая рубленая баня. Когда мужчины зашли за калитку, из будки, пристроенной к сараюшке, вылезла дворняга и лаем предупредила хозяйку о посетителях.

Бабушка, стоя у печки, готовила стряпню, но из-за скворчащего на сковороде масла, даже не услышала, что к ней зашли.

– Вилховна, здорова. Не откажи в помощи, – попросил Теппо Васильевич, подойдя к ней.

Старая женщина оглянулась и, заметив Ивана, вытерла руки о передник, подошла к нему, посмотрела прямо в глаза... и вдруг отшатнулась.

– Тяжела болезнь... До лета не доживешь. Помрешь... - прошептала бабка и, задернув за собой занавески, скрылась в комнате.

От этих слов парня передернуло, сердце барабанной дробью забило в груди, а Теппо Васильевич, до этого спокойный, почему-то нахмурился и пошел за старухой. Из комнаты послышался тихий разговор – старожилы говорили на родном, карельском языке и фотограф не понял ни слова.

Спустя несколько минут томительного ожидания, дед вышел из комнаты и облегченно вздохнул. Потом вместе с Иваном они вышли на улицу.

- Через два часа вернемся. Пойдешь в баню, - сказал председатель.

Вечером, раздевшись, Иван зашел в наполненную паром парилку и лег на полоч. Где-то с минуту услышал, как в предбанник кто-то зашел, затем дверь отворилась – Клавдия Вилховна прошла вглубь бани, держа в руках рябиновый веник.

Он пристально следил за старой женщиной. А та же подкинула дров в печку, окунула веник в горячую воду, а потом подошла к парню и начала бить его веником по груди и животу, то ускоряясь, то умедляясь в темпе. Вновь опустив веник в воду, карелка проделала тот же ритуал, а на третий раз стала нашептывать какие-то слова... После сделанного, женщина молча вышла.

Помывшись, Иван вышел на улицу и заприметил остатки сожженного рябинового веника, лежащие в яме. А подняв взоры к небу, он тут же разглядел рассеянные по небесному полю звезды. «Какой же ты загадочный, север...», – подумал про себя фотограф.

С утра парень зашел к бабушке.

– Как ты? – спросила она, только Иван появился на пороге.

– Очень хорошо! Кажется, всю заразу из меня вывели! Что вам надо за услуги? – и достал бумажник...

– Денег мне никаких не надо, – буркнула бабка, – вон, лучше нашим в деревне помощи. На добро добром отвечать надо.

Зайдя в сельсовет, Теппо Васильевич тут же произнес:

– Ну, как самочувствие? Полегчало?

– Здоров, как бык! – с улыбкой отвечал Иван.

– Ну, тогда тебя еще порадую – машину мы вытащили, сегодня и трактор был и почтовая машина раненюк была. Так сразу им место указал.

– Быстро вы! Послушайте, Клавдия Вилховна сказала, чтобы я в деревне помог, вот только не знаю чем.

На улице карел вручил парню лопату, и тот принялся за работу. Проложив тропинки от сельсовета до главной

дороги, он помог и работнице местного магазина, который работал два раза в неделю. Наколов дров и почистив дорожки, фотограф напоследок запечатлел магазин и ассортимент товаров на камеру. Потом направился обратно к главе деревни.

– Ну, вот, только не много и помог, – сказал Иван.

– Лучше немного сделать, но качественно.

- И то верно.

Посидев немного, фотограф взглянул на часы - ему пора продолжать путь домой. Он попросил старика проводить его до машины, на что тот ответил добром. Уже у автомобиля парень все-таки осмелился спросить:

– Тепло Васильевич, а как же вам все-таки удалось ту бабушку уговорить?

– Да там история такая запутанная... Перед самой войной Вилховна должна была замуж выйти, жених у нее балагур был, его, кажется, Якко звали. На гармошке играл. Ну, мне так говорили. Так вот не успели они – война началась. Все четыре года ждала она его, хотя и спустя какое-то время от него вести перестали поступать. А в сорок пятом он вернулся с победой, и, прожив немного умер. Вот и осталась Клава старой девой, замуж больше ни за кого не пошла, хотя и звали ее. Через несколько лет, приехали сослуживцы его к нам в деревню и поведали Вилховне, что Якко в концлагере фашистском был, да там и здоровье свое оставил. А бабка Клавдии, Мария Тимофеевна, ей потом шепнула, что настолько все плохо у него было, что никакие заговоры не спасли бы. Перед смертью, видимо, она и передала внучке свои знания. А почему согласилась помочь, так ты ей чем-то жениха напомнил. Она мне фотографию показала, правда потемневшую уже, желтую такую. И чем-то действительно похожи вы с ним.

– Вот оно что...

Постояв немного, пожав руку на прощание, карел пошел в деревню. А Иван, посмотрев ему вслед, завел машину и, погруженный в свои мысли, поехал в сторону дороги.

Вскоре он выехал на асфальт, а спустя несколько километров увидел указатель: «Санкт-Петербург – 980 километров».